

Легенда и факты о первом боевом залпе «Катюши»

А.Е. Тарас

Первый боевой залп первая батарея реактивных минометов БМ-13 (известных народу под неофициальным названием «Катюша»), которой командовал капитан Иван Флёрв, произвела по железнодорожному узлу города Орши 14 июля 1941 года. Об этом написано в многочисленных статьях и книгах, отштамповано металлом на памятниках.

1. Ура-патриотическая версия

Вот текст, который кочует из одной публикации в другую:

«Впервые советская реактивная артиллерия участвовала в бою в июле 1941 г. под Оршей. В районе города вели тяжелый оборонительный бой части 73-й стрелковой дивизии. В ночь на 14 июля фашисты захватили Оршу. С утра сюда один за другим стали прибывать вражеские эшелоны с войсками, военной техникой, горючим и боеприпасами. Чтобы задержать наступление противника, заместитель начальника артиллерии Западного фронта генерал Г.С. Кариофилли утром 14 июля поставил командиру 1-й отдельной батареи реактивной артиллерии капитану И.А.Флерову (семь БМ-13 и 122-мм пристрелочная гаубица) задачу: произвести залп по скоплению эшелонов врага на железнодорожном узле Орша.

В 15 часов 15 минут, после трех пристрелочных выстрелов из 122-мм гаубицы, из ложины донесся рев и скрежет, вверх вырвались черные клубы дыма, взметнулись ввысь более сотни краснохвостых снарядов. Залп состоялся.

На эшелоны врага, находившиеся на железнодорожном узле, обрушился огненный смерч. Реактивные снаряды разрывались в самой гуще вагонов с боеприпасами, горючим, техникой, людьми. Все дрожало, как при землетрясении. Через несколько минут после залпа железнодорожный узел превратился в море огня, над которым клубился густой дым. Обезумевшие гитлеровцы метались в раскаленном дыму. Множество солдат и офицеров врага было уничтожено».

Примерно такую же впечатляющую картину (якобы со слов свидетелей, но не называя их фамилий) дал Владимир Богомазов в книге «Орша в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Краткий историко-документальный очерк». (издана в Орше в 1994 году, 115 страниц):

«Земля, содрогнувшись, заходила под ногами. Горели танки, машины, склады горючего, взлетали в воздух боеприпасы. Немецкие солдаты, которые оастились в живых, бежали в ужасе, бросая оружие и технику. Ошеломленный вогненным смерчем, противник понёс большие потери».

Встречаются в публикациях и заявления о том, что после этого залпа «немецко-фашистские захватчики вывезли из Орши три эшелона убитых и раненых», то есть, пару тысяч человек как минимум.

Однако в изданном еще в советское время трехтомном труде Франца Гальдера «Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг.» (Воениздат, 1970—1971 гг.) нет ни слова о первом залпе советской реактивной артиллерии – ни в записях от 14 июля, ни в последующие дни.

За 14 июля только одна короткая запись связана с Оршей:

«б. Участок железной дороги Орша – Смоленск – Витебск совершенно забит эшелонами. Движение на железных дорогах от рубежа Вязьма, Брянск в восточном направлении слабое».

Отметим, что Гальдер имел в виду советские эшелоны.

В этой связи возникает вопрос: откуда некоторые отечественные авторы взяли, будто бы Гальдер в тот день записал в своем дневнике:

«14 июля под Оршей русские применили неизвестное до этого времени оружие. Огненный шквал снарядов сжег железнодорожную станцию Орша, все эшелоны с личным составом и боевой техникой приехавших военных частей. Плавился металл, горела земля».

Ответ очевиден. Они взяли это с потолка. Вот так сочиняются мифы!

2. Что “накопали” российские исследователи

В 2000-е годы появились статьи, в которых широко известное описание первого залпа батареи И.А. Флёрова было подвергнуто сомнению. Среди них выделим статью «Батарея капитана И.А. Флёрова» в “народной энциклопедии” – Википедии:

«В первые дни войны капитан И.А. Флёров (1905—1941) по предложению начальника Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского генерал-майора Л.А. Говорова был назначен командиром первой в РККА особой батарее реактивного действия.

Днем 3 июля батарея, вооружённая семью экспериментальными боевыми машинами НИИ-3 БМ-13 (позже получившими название «Катюша»*) и одной 122-мм гаубицей, использовавшейся в качестве пристрелочной, получила приказ об отправке на Западный фронт. Кроме БМ-13, в составе батареи были 44 грузовые машины – для перевозки 768 реактивных снарядов М-13, 100 снарядов для гаубицы, шанцевого инструмента, трех заправок ГСМ, семи суточных норм продовольствия и другого имущества, а также одна легковая машина. Личный состав батареи составлял 198 человек (вышли из окружения к своим 46 человек).

/* Число направляющих на каждой машине – 16, калибр снарядов – 132 мм, время залпа от 5 до 10 секунд, максимальная дальность огня 8470 м. В том случае, если бы залп дали все установки, он составил бы 112 снарядов.

Название “Катюша” появилось, скорее всего, в результате сочетания двух причин. Во-первых, серийные установки БМ-13 в 1941 – 1942 гг. изготавливали заводы “Коминтерн” в Воронеже и “Компрессор” в Москве. На них стояла одинаковая заводская марка – литера “К”. Во-вторых, в те времена была очень популярна песня “Катюша” на слова поэта Михаила Исаковского, музыку Матвея Блантера, впервые исполненная 27 ноября 1938 г./

В ночь с 3 на 4 июля 1941 года из Москвы по Можайскому шоссе, батарея выехала на фронт по маршруту: Москва – Ярцево – Смоленск – Орша. Через два дня (6 июля) батарея прибыла на место и вошла в состав частей фронтового подчинения Западного фронта. В период с 13 до 20 июля она вошла в состав 20-й армии Западного фронта.

14 июля в 15.15 по прямому приказу заместителя начальника артиллерии Западного фронта генерала Г.С. Кариофилли батарея Флёрова произвела залп по железнодорожному узлу Орша. Это было первое боевое применение «Катюш».

На самом деле уничтожались советские эшелоны, чтобы не допустить их попадания в руки врага. На станции Орша в тот момент находилось очень много прибывших советских эшелонов с имуществом 1-й Московской пролетарской мотострелковой дивизии, 14-й и 18-й танковых дивизий, 403-го гаубичного и 592-го пушечного артиллерийских полков, приписной личный состав 18-й Казанской

стрелковой дивизии, имущество нескольких головных артиллерийских складов и складов горючего из МВО (№№ 1093, 1405, 1406) и с огромными запасами боеприпасов, продовольствия и снаряжения, скопившимися на станции после вывоза из западных районов БССР.

Кроме того, на станции находились вывозимые с окружного зенитного артиллерийского полигона у станции Крупки, расположенной в 86 км западнее, зенитные орудия дивизионов армейской ПВО почти всех соединений, дислоцировавшихся в Московском, Орловском, Харьковском, Западном Особом, Киевском Особом, Приволжском военных округах, которые прибыли на полигон на учения в мае – июне 1941 г.

Всё это богатство без боя досталось врагу в Орше. Вот что на самом деле являлось целью атаки батареи капитана И. Флёрова и его подчинённых, а не мифические вражеские эшелоны. Поэтому в начале 1960-х гг. представление на присвоение капитану И.А. Флёрову звания «Героя Советского Союза» было отклонено, 14 ноября 1963 г. он был посмертно удостоен лишь ордена Отечественной войны 1-й степени.

И только 32 года спустя, а именно 21 июня 1995 г., ему было присвоено звание Героя России».

Далее Википедия сообщает:

«Вторым залпом батарея разрушила понтонный мост через реку Оршица на дороге Минск – Москва, наведённый немецкими сапёрами на месте взорванного Заградотрядом Западного фронта. Под удар попала 17-я танковая дивизия Вермахта. В течение трех дней эта дивизия не могла принимать участие в боевых действиях.

16 июля батарея тремя залпами помогла сломить сопротивление немецких войск занявших г. Рудню. 20—22 июля действовала вдоль шоссе Москва — Минск в районе Слободы, Ерши-Невище, Ерши-Пустошь, Куприно. Последний залп в составе частей Западного фронта дала в 10:00 7 августа под Пнево, прикрывая переправу советский войск. Батарея в составе 42-го отдельного артиллерийского дивизиона принимала участие в боях под Ельней и Рославлем.

7 августа батарея вновь выведена в состав частей фронтового подчинения Западного фронта и в тот же день направлена в 24-ю армию Резервного фронта по просьбе командующего Резервным Фронтом Г.К. Жукова и на основании приказа Главкома Западного направления С.К. Тимошенко.

В период 7—15 августа две экспериментальные установки вышли из строя и были направлены на ремонт в Москву. К 21 августа все оставшиеся пять экспериментальных установок также были неисправны и к 1 сентября были заменены на 4 новые, серийные.

2 октября батарея Флёрова оказалась в полуокружении, отрезанная с востока танковым клином Гудериана. 7 октября Вяземский котел был закрыт у г. Вязьмы. Батарейцы прошли более 150 километров и сделали всё возможное для того, чтобы спасти батарею и прорваться к своим. Когда подошло к концу горючее, Флеров приказал зарядить установки, а оставшиеся ракеты и большинство транспортных машин взорвать.

В ночь на 7 октября колонна машин батареи попала в засаду недалеко от деревни Богатырь (в Знаменском районе Смоленской области). Оказавшись в безвыходном положении, личный состав батареи принял бой. Под шквальным огнём они взорвали машины. Многие из них погибли. Будучи тяжело раненым, командир взорвал себя вместе с головной пусковой установкой. Похоронен в Смоленской области, Угранский район, деревня Богатырь.

Из боевых донесений капитана И.А. Флерова 14 июля — 7 октября 1941г.:

14.7.1941 г. Нанесли удар по фашистским эшелонам на железнодорожном узле Орша. Результаты отличные. Сплошное море огня.

7.10.1941 г. 21 час. Попали в окружение у деревни Богатырь — 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте товарищи.

А вот что пишет в книге «100 великих научных достижений России» (Москва, издательство «Вече», 2013 год) российский автор Виорель Ломов:

«При отступлении наших войск на железнодорожных путях остались эшелоны с горючим. Командование 20-й армии поставило задачу батарее капитана И.А. Флёрова из семи БМ-13 нанести удар по железнодорожному узлу и не отдать составы в руки фашистов, уже хозяйничавших на станции. Батарея с расстояния 6 км выпустила 112 снарядов. Семь секунд – и «железнодорожный узел был стерт с лица земли, семь дней там никого не было».

А на следующий день флёровская батарея произвела налет на вражескую переправу через реку Оршица. После трех залпов батареи «фашисты два дня вывозили убитых и раненых, а восхищенный генерал Еременко дал блестящий отзыв о боевой эффективности нового оружия и предложил быстрее наладить его массовое производство». Попавший после этого в плен немецкий офицер все спрашивал: «Что это? Что это страшное, наваливающееся на нас сверху, как гнев божий?»

Как видим, и этот автор уверенно заявляет, что батарея Флёрова дала залп по своим эшелонам, заодно с ними уничтожив узловую станцию. Второй залп (даже три) она вообще произвела на следующий день.

В общем, много противоречий и «нестыковок». Остается напомнить читателям известное выражение князя Отто фон Бисмарка: «нигде не врут так много как на охоте и на войне».

В справедливости этого суждения убеждают свидетельства тех, кто своими глазами видел то, что случилось в Орше 14 июля 1941 года.

3. Свидетельства очевидцев

Здесь я привожу главу из книги Вадима Карпа (1934 года рождения), опубликованной Интернет-порталом [Otvaga2004.ru](http://otvaga2004.ru). Эта глава называется «Первый исторический залп «Катюш»».

Надо пояснить, что в 1941 году семилетний В.А. Карп вместе с родителями проживал в поселке на станции Орша.

«Утром послышался шум моторов. Все бросились к щелям в заборе. По дороге со станции к городу ехало несколько мотоциклов с колясками, в которых сидели немцы. Так я впервые увидел немцев с оружием, в касках, хмурых, сосредоточенных. Это, наверное, были разведчики. Всё стихло. Минут через 20—30 они проехали в обратном направлении. Выстрелов не было слышно. Ещё через некоторое время в сторону города пошли бронетранспортёры, набитые немцами, автомашины с пушками и солдатами.

Мы поняли, что оказались на оккупированной территории с совершенно непредсказуемой судьбой. Но нужно было приспособливаться к новым обстоятельствам. А что нам ещё оставалось делать?

Дворами, по Пожарному переулку мы вернулись в свой дом. Была жаркая, сухая погода. Давно не было дождя. Немцы какое-то время ехали мимо нас по улице Молокова в сторону города. Потом интенсивность движения упала. С нашего двора мы никуда носа не высывали. Помню, сидели за столом между сараем и домом в тенёчке. Было часа 2—3 дня. Что-то кушали, вели невесёлый разговор, больше угрюмо молчали.

Неожиданно раздался свист снаряда и раздался взрыв метрах в 100 от нас у дома Бреев. Дом их сразу затрещал и загорелся. Буквально через несколько секунд мы, пробежав 20—30 метров по огороду, нырнули в наше убежище. И тут начался кромешный ад. Вой, свист, грохот разрывов. Земля ходила ходуном из стороны в сторону. С потолка земля сыпалась на нас, осыпалась со стен. Со мной началась истерика. Я кричал, бился, не понимая, что происходит. Не знаю, сколько продолжалось это безумство. Наверное, недолго, иначе мы бы сошли с ума. Внезапно всё прекратилось. Только после войны мы узнали, что это было первое «успешное» боевое применение знаменитых «Катюш».

В журнале «Чудеса и приключения» № 1 за январь 2005 г. в статье «Золотая звезда № 13» упоминается, что «14 июля батарея из семи установок БМ-13 («Катюш») ударила по скоплению живой силы и техники немцев на переправе через реку Оршицу. Этот день стал боевым крещением реактивных систем залпового огня». Автор, видно, не счёл возможным посчитать удар по жилому посёлку станции Орша первым боевым применением «Катюш». Хотя батарея БМ-13 была та же самая под командованием капитана Флёрова И.А.

В других публикациях о первом боевом применении «Катюш» можно прочесть, что по скоплению немцев на станции Орша было выпущено 300 реактивных снарядов. При этом погибло не менее 300 фашистов (по одному снаряду на фашиста) и было уничтожено много вражеской техники, боеприпасов, горючего доставленных в Оршу по железной дороге. Смею утверждать, что это не соответствует действительности. Но об этом – позже.

В военных фильмах, кинохронике часто показывают выстрелы «Катюш», сопровождая их соответствующими звуками. Возможно, это соответствует звуку в месте, где стреляют, где пролетают ракеты. Но ни разу в кино я не слышал звуков, хоть отдалённо напоминающих какофонию в месте их падения и разрывов. А если сюда добавить себя, представить, что ты находишься в месте удара, совершенно беспомощный, беззащитный, обречённый!

Мы, сжавшись, прислушивались к тишине. Начали прослушиваться потрескивания – это горели дома. Потянуло горячим дымом. Вскоре стало трудно дышать. Было ясно, что мы в нашем убежище, если и не сгорим, то задохнёмся. Отец с тётёй вылезли из убежища и решили, что нужно немедленно уходить, кругом всё горело. Они взяли топор и лопату (они всегда были в убежище на случай, если бы нас завалило землёй и пришлось бы откапываться), разломали забор и вывели бабушку, маму и меня через Пожарный переулок на следующий соседский участок и дальше в большой старый сад.

Вернулись, забросали вход и выход убежища досками от забора, а сверху присыпали землёй. После этого перебрались к нам в сад. Наши вещи – несколько мешков с одеждой – остались в убежище. Наш дом ещё не горел (не видно было, чтобы он уже загорелся). Но отец с тётёй в дом не пошли, быстро перебрались к нам в сад. Сад был обширный, с большими старыми яблонями. В саду было вырыто убежище. В нём уже пряталось несколько семей. Нам разрешили спуститься в убежище, хотя там было довольно тесно. Все молча ждали, что будет дальше.

Отец вылез из убежища, позвал меня. Когда я вылез, он сказал: «Смотри, как горит наш дом». Я увидел, как из-под крыши, покрытой гонтом, из каких-то многочисленных дырок в крыше (наверно, от осколков) выходит дым. Он становился всё темнее и гуще. Так как дым начал выходить вначале из-под крыши и из дырок в крыше, то можно предположить, что причиной возгорания его были осколки взорвавшихся снарядов. Дом начал гореть изнутри. Вдруг дым повалил клубами, вырвалось пламя, охватившее сразу весь дом, сарай. Возник мощный огненный,

трещающий, ревуший смерч. Крышу разорвало на куски. Эти куски, кружась и кувыркаясь, горели и, разбрасывая горящие головешки, уносились прочь. Это было завораживающее, ошеломляющее зрелище. Точно помню, что никакой жалости к горящему дому и всему тому, что было с ним связано, у меня не было. Очень потрясающим было только что пережитое. Кругом нас тоже всё горело. Сотни домов горели одновременно. Кругом бушевали такие же огненные смерчи.

Кое-как мы пересидели ночь в этом убежище. Когда утром выбрались на поверхность, нам открылась ужасная картина. Вокруг, насколько хватало глаз, торчали печные трубы – сотни печных труб! Около них догорали головешки. Мы с отцом пошли к нашему бывшему дому. Убежище было цело – огонь до него не добрался. Все деревья, зелень на грядках сгорели. В бороздах между гряд валялись наши куры и цыплята – обугленные. Они не успели убежать от жары и огня. Дом стоял на каменном фундаменте высотой от земли сантиметров на 60. Так он был полностью заполнен раскалёнными углями с тлеющими остатками брёвен. Близко подойти к остаткам дома, а тем более посмотреть, что случилось с вещами, спрятанными в печах (они величественно возвышались в своём оголённом виде над пепелищем) было невозможно.

Отец позвал меня и показал на обугленный труп нашей собаки. Звали её Беба. Это была совершенно чёрная небольшая дворняжка с добрым и смирным характером. По-видимому, когда я был совсем маленький, то лез к этой собачонке, а мне говорили: «Бяка, не трогай». Со временем она стала отзываться на подобное слово. Мы взяли лопату и похоронили её. Беба, наверное, во время обстрела спряталась под крыльцо веранды. А когда начался пожар, выскочила, но успела отбежать совсем недалеко и сгорела. Ценные предметы (часы, фотоаппараты и др.), что отец сложил в саду подальше от дома, все сгорели. Как раз на них упал электростолб, который стоял недалеко от дома, а провода не дали ему упасть в другое место, кроме как на наши вещи.

Итак, осталось у нас три или четыре мешка одежды (в основном, зимней), двухколёсная тележка сохранилась: то ли отец успел её столкнуть в убежище, когда мы его покинули, то ли она стояла в саду вдалеке от дома и уцелела. Погрузили на неё наши пожитки и поехали искать пристанище – крышу над головой.

Надо вернуться немного назад. Тот первый взрыв снаряда был, по-видимому, пристрелочным. «Катюша», как известно, стреляла по площадям не очень метко. Этот взрыв спас нам жизни. Во-первых, мы успели укрыться в убежище. Во-вторых, взрыв был очень далеко от вокзала и других железнодорожных объектов, железнодорожных путей. Артиллеристы за взрывом наблюдали и поняли, что нужно корректировать направление стрельбы. Эти несколько секунд позволили нам скрыться под землю. Но всё равно мы оказались в секторе обстрела, потому что дома в посёлке выгорели вокруг нас примерно на одинаковом расстоянии (метров 500 в радиусе).

Железнодорожный вокзал остался невредим, корпус ближайшего к нам паровозного депо тоже уцелел. Деревянная поликлиника, которая находилась по прямой линии от нас в сторону вокзала, тоже уцелела. Сохранились и некоторые дома около неё, правда, кирпичные. Большого скопления немцев, тем более техники, в это время на железнодорожном узле не было. Поезда не ходили, так как все мосты и путепроводы на подъезде к Орше были взорваны. Кроме того, немцам нужно было перешить широкую советскую железнодорожную колею на узкую европейскую. Восстановление мостов и ремонт путей быстро не делаются.

Удар был очень сильным, но, увы, почти бесполезным. Я не видел и не слышал от кого-либо о том, что при обстреле погибли немцы и повреждена их техника. Хотя, может быть, случайные потери немцев при этом и были, если они находились среди

деревянных домишек посёлка. Но в эти первые дни оккупации они ещё не шлялись по посёлку.

В 2011 году я познакомился с москвичом, историком-любителем Михаилом Павловичем Щербаком. Он очень обстоятельно исследовал историю создания и боевой путь первой батареи реактивных миномётов под командованием капитана Флёрова И.А. При этом использовал материалы советских и немецких архивов, воспоминания оставшихся в живых флёровцев. Мне было очень интересно узнать некоторые подробности тех событий, сопоставить их со своими воспоминаниями.

Дальнейший текст Карп писал на основании материалов, собранных М.П. Щербаком.

«Первая батарея состояла из пяти экспериментальных установок МУ-2 и двух серийных образцов БМ-13-16. В составе батареи была 122-мм гаубица, предназначенная для предварительной пристрелки целей. Но она не участвовала в боях под Оршей. У гаубицы были деревянные колёса, обитые железом. Её вместо конной тяги прицепили к автомашине. После того, как батарея прошла путь от Москвы до города Борисов, а затем прибыла в район города Орша, колёса у гаубицы развалились, и её пришлось оставить.

Батарея капитана Флёрова – это 80 автомашин ЗИС-5 и ЗИС-6 и 170 человек личного состава.

Из Москвы батарея выехала 2 июля, а 9 июля (по некоторым свидетельствам 6 июля) батарея доехала до 502 км на шоссе Москва – Минск и была приведена в боевое положение.

Из воспоминаний инженера-конструктора А.С. Попова (одного из двух специалистов НИИ-3, прикомандированных к экспериментальной батарее):

«Нас пытались разбомбить, после чего мы получили приказ: двигаться только ночью. 9 июля мы прибыли в район Борисова, развернули позицию: 4 установки слева от трассы, 3 РУ и 1 прицельная пушка – справа. Там простояли до 13 июля. Нам было запрещено вести огонь из любого вида личного оружия: пистолетов, 10-зарядных полуавтоматических винтовок, дегтярёвского пулемёта...».

Батарея простояла до ночи 13 июля. Не стреляла, так как не было подходящей цели. Начальник артиллерии 20-й армии генерал Г.С. Кариофилли просто не знал, что делать с этим сверхсекретным оружием. После того, как батарея по чистой случайности 13 июля вечером чуть было не оказалась на занятой врагом территории, она форсированным маршем прибыла в район города Орша.

Из книги М.П. Щербака:

«В ночь на 13 июля личный состав подняли по тревоге, и скорым маршем экспериментальная батарея двинулась обратно, на восток к Орше. Оказалось, что поздно вечером 12 июля, на боевое охранение батареи, которое использовало как средство усиления 122-мм пристрелочную гаубицу, совершенно случайно наткнулась маневровая группа Загранотряда Западного фронта, которая проезжала мимо на броневике. Группа контролировала

готовность к подрыву железнодорожных и шоссейных мостов на дорогах от Борисова к Орше».

Немецкие войска прорвали фронт севернее и южнее города Орша. Наши войска быстро отступали (мягко говоря).

Если бы этой случайной встречи не произошло, мосты были бы взорваны, и батарея оказалась на оставленной войсками территории. Некому было бы махнуть флажком капитану Флёрову: «Срочно уводи свою батарею в тыл!». А может быть, о ней просто забыли в суматохе? Батарея прибыла в 20-ю армию, но в состав артиллерии армии включена не была.

Когда экспериментальная батарея прибыла в район Орши, цель, наконец, была определена: железнодорожный узел станции Орша. Батарея заняла боевую позицию примерно в 5 километрах севернее станции Орша в междуречье рек Оршица и Днепр. До этого момента залпом все установки ни разу не стреляли. На полигоне производились пуски по восемь ракет одной установкой. Никто из расчёта батареи ни разу не стрелял и даже не видел, как стреляют реактивные установки, за исключением двух офицеров НИИ-3, прикомандированных к экспериментальной батарее. До отъезда на фронт им удалось провести только три занятия с офицерами и сержантами батареи. В силу особой секретности никаких записей делать не разрешалось. Фактически под Оршей продолжались полигонные испытания нового оружия, но в боевой обстановке.

Пристрелочная гаубица сломалась. Да и толку от неё было мало. Траектории полёта снарядов гаубицы и реактивных снарядов существенно отличались друг от друга. Таблицы для стрельбы предстояло ещё только составить и проверить. Так что накрыть небольшую цель массивным залпом семи установок было проблематично. Тем не менее, залп был произведён. При этом не обошлось без неприятностей. После команды открыть огонь, пусковое устройство было включено, но... только один реактивный снаряд одной из установок сошёл с направляющих.

Вот этот первый снаряд, взорвавшийся около дома Брееров, и спас нам жизни! Мы успели добежать до нашего убежища и свалиться в него, пока артиллеристы возились с пусковым устройством и повторно произвели пуск.

На этот раз с направляющих сошло три снаряда. При третьей попытке к цели ушли все оставшиеся 92 реактивных снаряда. Одна установка не стреляла, так как накануне у неё сторел электрокабель и его не успели заменить. Результаты своего залпа флёровцы не видели, за исключением, конечно, огромного пожара, возникшего в месте падения ракет.

То обстоятельство, что на железнодорожном узле в момент залпа батареи капитана Флёрова не было никаких советских железнодорожных составов с грузами, подтверждает бывший начальник станции Орша-Центральная Е.П. Юшкевич. В своих воспоминаниях он пишет:

«Поступил приказ: все имеющееся на станции и поступающие вагоны немедленно отправлять на восток по двум главным путям с соблюдением интервала видимости хвоста поезда. К полудню 12 июля на станции остались один паровоз и состав порожних пассажирских вагонов, предназначенный для вывоза оставшихся железнодорожников узла. Наступила жуткая тишина, какая обычно бывает в поле знойным летом перед грозой. Ни единого звука, кроме усиливающейся канонады на западе. Ни единого передвижения паровозов и вагонов на таком несколько дней тому назад оживленном узле. Никакой телефонной и селекторной связи со станциями, расположенными на западе...»

...«Вечером все желающие эвакуироваться работники разных служб узла погрузились налегке, с небольшой поклажей в вагоны пассажирского состава, и поезд тихо, без огней отправился на Москву...»

После этого подрывные команды начали взрывать мосты, путепроводы, сооружения, станционные объекты, связанные с движением поездов. Так что к моменту первого залпа батареи Флёрова на станции Орша ни советских, ни немецких поездов с каким-либо имуществом не было.

Из материалов М.П. Щербака:

В ночь 12—13 июля Оршанский узел подрывали подразделения 26-й железнодорожной бригады (ЦАМО РФ, Ф. 208, оп. 2557, д. 20, л. 17, 47).

Но почему первой целью для экспериментальной батареи капитана Флёрова был выбран именно железнодорожный узел станции Орша? М.П. Щербак, проанализировав все документы, которые ему удалось разыскать, в своей книге обосновывает этот выбор цели.

«Командиру экспериментальной батареи капитану И.А. Флёрову была поставлена задача – тщательно и всесторонне проверить эффективность нового вида оружия в реальной боевой обстановке, в различных условиях и на различной местности. Подготовить объективный отчет о результатах применения новейшего оружия на фронте. Но при этом во что бы то ни стало сохранить новейшее секретное оружие.

В общем, первый залп экспериментальной батареи был не иначе как продолжение полигонных испытаний, но испытаний, проведенных в боевых условиях. И по противнику, который не может открыть ответный огонь. По наступающему или обороняющемуся противнику стрелять было опасно – а если всё пойдет не так, ну, не оправдаются надежды. Тогда в результате ответного артиллерийского огня можно и боевые машины потерять, а с ними заодно и свою голову. Техника-то на батарее особой секретности!

Нужна была крупная площадная и статичная цель с достаточно хорошим обзором, на которой впоследствии можно было бы относительно легко проконтролировать результат испытаний. После того, как по счастливой случайности сумели уйти с первой позиции, об опасности попасть в окружение тоже забывать было нельзя. Поэтому место для стрельбы должно быть максимально безопасным, с возможностью быстренько-быстренько, назовём вещи своими именами, без фатальных последствий уехать подальше.

Вот чем было преимущество боевых машин М-13-16 на базе ЗИС-6. В их более высокой, по сравнению с обычной полевой артиллерией мобильности.

Ближайшей цели, отвечающей всем необходимым требованиям, кроме Оршанского железнодорожного узла вокруг не наблюдалось. Осмотрев окрестности, капитан И.А. Флёрв приказал развернуть батарею в пяти километрах от станции, за горкой, на опушке леса примыкающему к Краснянскому шоссе, немного южнее деревни Андреевщина.

Капитан Флёрв был хороший и знающий командир, и поэтому, помня об ответственности, лежащей на нём, место для позиции выбрал достаточно разумно. Слева Днепр, между занятыми противником западными кварталами Орши и батареей – река Оршица, справа немногочисленные и потрепанные в боях подразделения 413-го полка 73-ей стрелковой дивизии РККА пытаются хотя бы задержать немецкие войска на плацдарме, сзади противника пока точно нет. А цель действительно была подходящая – площадь железнодорожного узла большая, обзор неплохой, пути отхода свободны.

И цель и позиция – лучше не придумаешь. Погода была как на заказ — день солнечный и ясный.

В сложившейся обстановке здравый смысл говорил, что первый удар надо наносить именно по наведённой немецкими сапёрами понтонной переправе через Оршицу и по войскам, накапливающимся на захваченном, на берегу Оршицы плацдарме. Но это было опасно. Вдруг не получится.

Начальник артиллерии 20-й армии РККА генерал Г.С. Кариофилли, который видимо, не успел покинуть бывший командный пункт 20-й армии, ранее располагавшийся в трёх километрах севернее Орши, решил не рисковать секретной техникой и выбрал целью Оршанский железнодорожный узел. Георгий Спиридонович просто не представлял, да и представить не мог, каковы будут последствия огневого налёта. О том, что на станции нет никаких немецких железнодорожных эшелонов со всяческим взрывоопасным содержимым, да немецких войск там тоже почти нет, командование 20-й армии прекрасно знало. Не могло не знать. Это капитан И.А. Флёрв, прибывший накануне, и у которого не было разведки, не знал».

Так что оршанский железнодорожный узел стал первой целью для экспериментальной батареи реактивной артиллерии не только по причине сложившейся военной обстановки.

Через несколько часов батарея заняла другую позицию и произвела второй залп – по наведённой немцами переправе через реку Оршица и скопившейся около неё живой силе и технике противника. Скорее всего, это произошло около пересечения шоссе Минск – Москва и реки Оршица (севернее города Орша около посёлка Обухово). За грандиозным эффектом этого удара теперь могли воочию наблюдать и капитан Флёрв, и воины Красной Армии, занимавшие оборону на левом берегу Оршицы. От места удара в панике бежали не только немцы, но и советские солдаты, находившиеся на передней линии обороны.

xxx

Есть и другие интересные свидетельства.

В 2002 году была издана коллективная работа «Люди и годы. К 100-летию Оршанского железнодорожного» (Минск, издательство «Беларусь», 152 страницы текста и 48 страниц фото). В ней есть сведения о событиях лета 1941 года:

«Первая авиационная бомбардировка железнодорожного узла произошла в ночь с 22 на 23 июня. Затем бомбежки продолжались вплоть до захвата Орши противником. Несмотря на это, из Орши были отправлены на восток многочисленные эшелоны с людьми, с оборудованием промышленных предприятий»...

Далее в книге сказано:

«13 июля в 15 часов последний поезд... был отправлен со станции Орша-Западная*... Перед этим были взорваны мост через Днепр у путевого поста № 2 и посты ЭЦ на всех трех станциях. 14 июля немцы захватили северо-западную часть Орши и железнодорожный вокзал. Перед их глазами предстал мёртвый железнодорожный узел. Там не было ни одного человека, паровоза, вагона. Из полуразрушенных цехов вывезено всё оборудование».

/* Краевед из Орши В.П. Лютынский в одной из своих статей привел воспоминания Михаила Антоновича Равгейши (1923 года рождения), жившего в 1941 году на станции Орша-Западная. По словам ветерана, беженцы ехали даже на крышах вагонов этого поезда.

Он же (Равгейша) сообщил: «Снаряды упали за железнодорожной горкой, в районе улицы Жлобинской. Мы, мальчишки испугались, но потом побежали туда посмотреть, что произошло. Никакие строения и железнодорожные пути этими снарядами не были повреждены. Может быть, они еще куда-то попали, это мне неизвестно»./

Здесь сразу приходит на ум легенда об удивительных подвигах, совершенных на Оршанском железнодорожном узле группой подпольщиков-диверсантов во главе с Константином Заслоновым. Официальный советский источник сообщает:

«К.С. Заслонов (1910—1942) накануне войны был начальником паровозного депо в Орше. Осенью 1941 г. по инициативе Заслонова был создан партизанский отряд железнодорожников. С ноября 1941 г. Заслонов, вернувшись в Оршу, поступил на работу в депо и развернул активную диверсионную деятельность на ж. д. узле. За 3 месяца группой Заслонова было проведено 98 крушений поездов, выведено из строя 150 паровозов. В конце февраля 1942 г. Заслонов, вынужденный уйти из Орши в лес, перешел к открытой партизанской борьбе» (Советская историческая энциклопедия, том 5, Москва, 1964, ст. 630).

За 90 суток – 98 крушений поездов (по 3, а то и по 4 крушения в сутки) и 150 выведенных из строя поездов (по 5 в сутки). Эти выдуманные цифры надо обсуждать отдельно, а пока задумаемся вот над чем. Если в Оршанском узле не осталось ни одного специалиста-железнодорожника, ни одного паровоза, ни одного вагона, ни одного станка, а все станционные здания и депо были разрушены, то каким образом уже в августе в Орше снова работало депо, и каким чудом на восток каждые сутки уходили 10—15 эшелонов с немецкими войсками и военной техникой?!

Ответ очевиден: бодрые рапорты «местных товарищей» в Москву о тотальном разрушении узла в июле 1941 года были абсолютной ложью!

Общие выводы

- Город и железнодорожный узел Орша советские войска оставили без боя.

- Узел был свободен от воинских и гражданских эшелонов. Все советские успели его покинуть, ни один немецкий еще не прибыл.

- Вопреки донесениям командиров РККА и партийных чиновников в Москву, станционные сооружения, в том числе депо и мастерские, не были уничтожены. Техническое оборудование и станки в основном остались на месте, так же как многие оршанские железнодорожники.

- Батарея капитана Флёрова дала залп по станции, но промахнулась. В результате залпа и вызванного им огромного пожара был почти полностью уничтожен станционный посёлок, где проживали советские граждане. Многие из них погибли, уцелевшие потеряли свои жилища, приусадебные постройки, имущество.

Число погибших в результате обстрела советских граждан (их посчитали по приказу немецкого коменданта города) до сих пор хранится в тайне.

- Испытание реактивных минометов БМ-13 в боевой обстановке прошло успешно, но некоторый ущерб противнику причинил только второй залп 14-го июля, произведенный в районе понтонной переправы через реку Оршицу.

- Обстрел реактивными снарядами напугал и немецких, и советских военнослужащих. Те и другие разбежались в разные стороны. Однако физический ущерб от залпа был невелик. Уже через час после обстрела понтонная переправа работала в нормальном режиме.

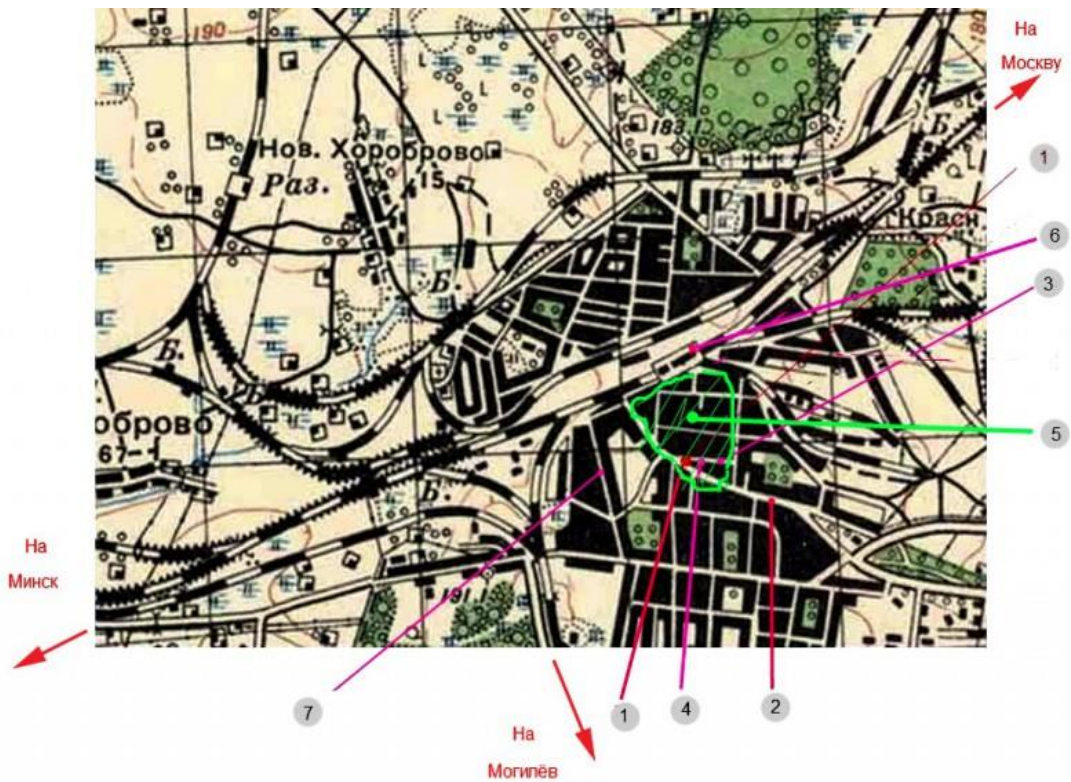
Первоисточник:

«Деды – дайджест публикаций о белорусской истории», выпуск 17 (2016 г., стр. 221—242).

Перепечатка:

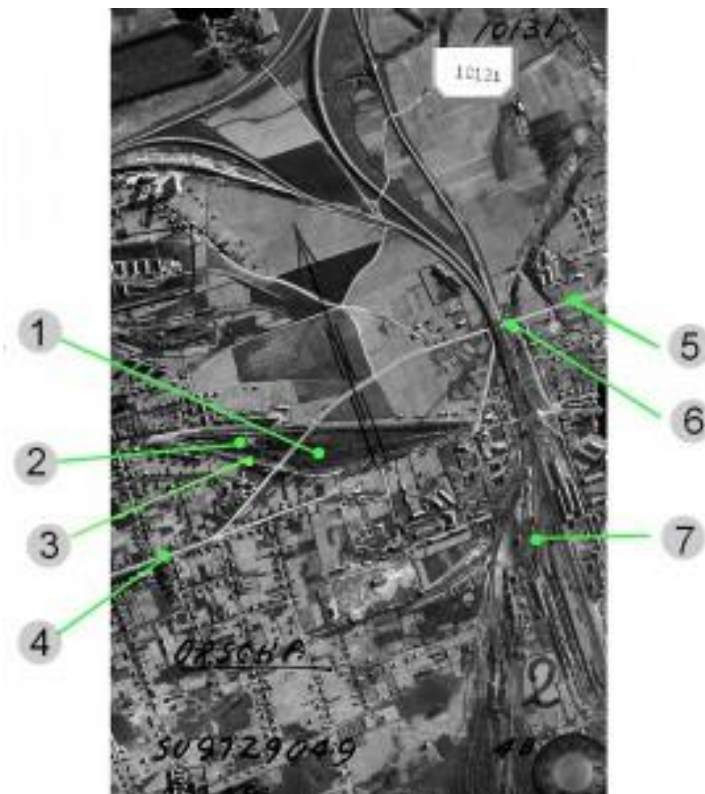
В сборнике статей «Легенды войны» (Вильнюс, 2021, стр. 81—101) под названием «Стреляли в немецкие эшелоны, попали в посёлок железнодорожников».

Иллюстрации

Фрагмент довоенной карты станции Орша

1 – место, где располагался дом семьи Карпов; 2 – улица Молокова, соединявшая станцию с городом; 3 – Пожарный переулок; 4 – место взрыва первого снаряда днём 14 июля; 5 – зона пожара после первого залпа батареи Флёрова; 6 – железнодорожный вокзал; 7 – улица Новый быт (ныне улица К. Заслонова). Дом Карпов находился в самом левом углу треугольника, ограниченного улицей Молокова и Пожарным переулком.

Немецкая аэрофотография лета 1941 г.

Единственная из серии подобных фото Оршанского железнодорожного узла, которую В.А. Карпу удалось привязать к карте.

На фото: 1 – городской парк (до войны эта часть парка не была благоустроена); 2 – парк культуры и отдыха железнодорожников. Он был огорожен и благоустроен (сцена, экран, кинобудка, площадки для игр и танцев); 3 – улица Молокова, пересекает улицу Поженьковскую (сейчас улица Грицевца); 4 – улица Поженьковская (Грицевца); 5 – дорога в город Орша; 6 – железнодорожный путепровод (со станции Орша-Восточная на Москву); 7 – станция Орша-Восточная.

Улицы Поженьковская и Молокова, мощёные булыжником, проходили через посёлок станции Орша. Только по ним можно было, проехав под путепроводом (6), въехать в сам город. Вторая грунтовая дорога в город со стороны станции проходила через железнодорожный переезд намного южнее. Улица Поженьковская проходит через весь станционный посёлок, переходит в дорогу и через деревню Заболотье выходит на шоссе Москва – Минск. Это единственная дорога от шоссе на станцию и в город Орша с запада. По ней немцы вошли в Оршу.

Вторая дорога в Оршу идёт с севера. Это шоссе Орша – Витебск от пересечения её с магистралью Москва – Минск возле посёлка Обухово. Здесь на месте взорванного моста через Оршицу немцы наводили переправу, по которой дала залп батарея Флёрова.

**Примерно так выглядела
Первая экспериментальная батарея М-13-16 на позиции под Оршей**